



РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ФРАГМЕНТЫ

DOI 10.20339/AM.01-19.112

А.М. Белов,
д-р филол. наук, доц.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
e-mail: indogermanica@yandex.ru

В ЗАЩИТУ НАУКИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

Анализируется учебное пособие Н.Н. Низаметдиновой «Введение в языкознание». Отмечаются очевидные ошибки и пропуски на фоне новых открытий и достижений науки и педагогической практики. Обращается внимание на логические несоответствия, неудачные формулировки и композиционные промахи. Рецензия имеет своей целью показать, каким не должно быть современное пособие по главному лингвистическому курсу и каких ошибок стоит избежать будущим авторам и читателям подобных книг.

Ключевые слова: введение в языкознание, лингвистическая теория и практика, филологическая критика, научная этика.

IN DEFENSE OF SCIENCE, OR SOME WORDS ABOUT MODERN LEARNING TEXT-BOOKS

A.M. Belov is Dr.Sci. (Philology), doc. at M.V. Lomonosov Moscow State University

Analyzed is learning text-book by N.N. Nizametdinova "Introduction into linguistics". Shown are obvious mistakes and omissions on the background of new discoveries and achievements of science and pedagogical practice. Attention is drawn to the logical inconsistencies, bad wording and compositional blunders. The review is aiming to show, what should not be modern manual on main linguistic course and what mistakes should be avoided by future authors and readers of such books.

Key words: introduction into linguistics, linguistic theory and practice, philological criticism, scientific ethics.

Когда мои коллеги сообщили мне о выходе нового учебного издания по курсу «Введение в языкознание»¹, я был весьма заинтригован и захотел тотчас же ознакомиться с этой книгой. Дело в том, что на протяжении уже более 10 лет я вел этот курс как на различных факультетах в Московском университете, а также в некоторых других вузах Москвы где-то как лектор, где-то как руководитель семинаров и прекрасно понимаю, насколько новый и качественно сделанный учебник по этому предмету насыщен, необходим и востребован. Отчасти потому, что уже ставшие классическими книги А.А. Реформатского, Ю.С. Маслова, О.С. Широкова во многих отношениях уже существенно устарели, а отчасти потому, что за последние 30 лет в мире лингвистики произошли очень серьезные изменения.

Речь идет как о новых открытиях в старых дисциплинах, так и появлении совершенно новых разделов науки, фактически пересматривающих ее традиционные научные парадигмы. Тут можно говорить и о революциях в синтаксисе (причем и в функционалистской и в генеративной парадигмах), и о невероятном развитии общей семантики и теории референции, и о грандиозном триумфе типологии, и о становлении когнитивной научной парадигмы, и о появ-

лении науки о дискурсе, и о новых успехах традиционной и макрокрупаративистики, и о грандиозных прорывах в теории глоттогенеза, лингвогенетических исследованиях, и о достижениях риторики и лингвопоэтики. Фактически нынешняя лингвистика — это уже другая наука, и темы, бегло перечисленные здесь, есть лишь капля того, о чем можно и нужно рассказывать в новых учебниках. Кроме того, меня очень заинтересовала идея автора сделать новый учебник еще и кратким: понимая, насколько трудно рассказать обо всем этом в пятьсот страниц, я понимал, что сделать это в сто двадцать было бы равносильно новому геркулесову подвигу.

Если бы с новой книгой все и получилось бы так или примерно так, то, не сомневаюсь, что прежде неизвестная мне Н.Н. Низаметдинова уже сейчас претендовала бы на роль классика современной высшей школы, а ее портрет, подобно портрету А.А. Реформатского, со временем украсил бы важнейшие лингвистические кафедры нашей страны. Однако с глубоким сожалением должен сказать, что меня, ознакомившегося с новым учебником, постигло горькое ра-



Низаметдинова Н.Н.
Введение в языкознание:
учебное пособие. М.:
МГОУ, 2015. 120 с.

ISBN 978-5-7017-2509-4

¹ Nizametdinova, N.N. Introduction into linguistics. Moscow, MGOU, 2015. 120 p.

зочарование. Книга Низаметдиновой современна и кратка не потому, что автор точно и лаконично передал важнейшие лингвистические премудрости нашего времени, а потому, что перед нами наспех сделанная сокращенная компиляция нескольких старых книг (в т.ч. явно и учебника самого А.А. Реформатского, причем не последних его изданий), сделанная вдобавок с невероятным числом ошибок (в т.ч. иногда грубейших), неудачных формулировок и композиционных промахов. Число моих замечаний к книге, отмеченных на полях почти каждой страницы, таково, что, боюсь, ни один из имеющихся научных журналов не согласился бы взять рецензию, размер которой был бы сопоставим с размерами самой книги. Поэтому здесь я выберу лишь некоторые, наиболее показательные на мой взгляд, сюжеты, которые и без подробных комментариев говорили бы грамотному читателю сами за себя.

Книга, не украшающая науку

Однако вначале, прежде чем переходить к частностям, отмечу одну вещь общего характера. Сама автор, высказываясь в пользу краткого курса, содержащего «минимум сведений по данной дисциплине»², на С. 5 говорит о том, что «необходимость издания данного пособия обусловлена существенным сокращением аудиторных часов по введению в языкознание». Полностью соглашаясь с Н. Н. по поводу названной проблемы часов, недоумеваю: почему, если, как сказано, сокращаются аудиторные часы, автор полагает, что и *весь курс* введения в языкознание должен быть редуцирован до такого минимума, что даже знакомство с книгой Реформатского³ позиционируется как получение углубленного знания?

Казалось бы, совсем наоборот: если мало часов в классе, то разумно сделать такую книгу, в которой восполнялись бы многие аудиторные пробелы. Кроме того, такая книга должна была бы иметь обширную библиографию, которая по каждому важному сюжету рекомендовала бы студенту самые ценные научные книги. Ничего подобного я в книге Низаметдиновой не увидел. В библиографии всего 12 пунктов, из них два «обязательная литература» (Реформатский и интернет-учебник В.П. Даниленко), а остальные 10 — дополнительная литература: от словаря лингвистических терминов Ахмановой до детской энциклопедии Аванта+. Текст самой книги строится монологично и не содержит почти никаких библиографических ссылок (за исключением раздела лексикография, который, наоборот, представляет собой подробнейший перечень различных русских словарей⁴).

Из книги Н.Н. Низаметдиновой читатель никогда не узнает, что был такой лингвист Якобсон, что есть такой лингвист Хомский, что главный труд Трубецкого это «Основы фоно-

логии». Раздел про синтаксис (С. 104–108 — целых пять с половиной страниц!) не содержит вообще ни одного имени и ни одной ссылки, даже и на А.М. Пешковского, хотя синтаксическая наука излагается в книге вполне по состоянию его времени. Ожидающего увидеть в книге имена Теньера, Филлмора, Падучевой и др. ждет абсолютное разочарование. Почему было решено сделать так, понять трудно. Возможно, Н.Н. Низаметдинова почему-то решила, что ввиду сокращения часов на языкознание студентам заочного отделения излишне знать даже о Якобсоне. Если в этом и заключается современность⁵ новейшего пособия, то остается только застрелиться.

Посмотрим, насколько хорошо автору удалось выступить в «малом жанре».

Первое, что бросается в глаза читателю книги, это очевидные проблемы с логикой тех или иных классификаций, которые предлагает автор. Эти логические ошибки приводят по меньшей мере к неаккуратности (а местами к вопиющей безграмотности) тех или иных обобщающих суждений. Некоторые из них «бьют наповал». Вот лишь несколько примеров.

С. 6. «В экстралингвистике выделяются разделы» (далее перечисляются где-то с цифрой, где-то без): социалингвистика, этнолингвистика, 3) металингвистика, 4) психоллингвистика, 5) нейролингвистика, 6) математическая лингвистика. Причем автор справедливо понимает, что математическая лингвистика «изучает языковые явления с помощью математических методов». Получается, что классификация наук по предмету грубо смешана с классификацией по методу. Формулировка «выделяются» предполагает, по-видимому, что этот список исчерпывающий. А что, не бывает больше никаких экстралингвистик? Кстати, тут же поясняется, что психоллингвистика (от греч. *psychē* — душа) «изучает процессы образования и восприятия речи». Интересно, что в результате студенты-заочники будут думать о психоллингвистике?

С. 113. «Романская ветвь. Подразделяется на четыре (sic! — А. Б.) группы: а) *итало-романскую...* б) *галло-романскую...* в) *иборо-романскую...* г) *балкано-романскую: румынский, молдавский языки и некоторые⁶ мелкие языки Балканского полуострова; д) италийскую группу: латинский, оскский, умбрский (мертвые) языки*. Так сколько же «групп» в романской «ветви»? И кто дал право автору думать, что италийские языки суть подвид романских?

С. 117. «К языкам аналитического типа относятся болгарский язык, а также языки романской и германской групп». Опять-таки хочется знать, все ли аналитические языки перечислены и верно ли, например, то, что готский язык тоже аналитический, раз он германский. Поскольку же латинский выше был назван романским, он тоже получается аналитическим?

² Для «получения более глубоких знаний» автором рекомендуется обратиться к изданию Реформатского 2010 г.

³ Напомню, что 1-е издание этой книги отражает состояние науки на 1947 г.; дальнейшие переиздания, конечно, несколько омолодили этот срок, но не то, чтобы очень сильно.

⁴ Надо сказать, что эта глава мне показалась самой оригинальной, стоящей и интересной — не из-за ссылок и многочисленных неожиданных для учебника подробностей, а потому, что в ней видна личная заинтересованность автора в предмете изложения. Однако стилистически и содержательно она настолько выпадает из системы других глав — поверхностных и безликих — что у меня не раз возникал вопрос о ее уместности

⁵ Пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом и действующей учебной программой по дисциплине «Введение в языкознание» (С. 2). Соответствие книги всему этому, по всей видимости, подтверждено авторитетами двух рецензентов — д-р филол. наук М.В. Ивановой и д-р филол. наук Л.Ф. Копосова — поскольку книга напечатана.

⁶ Что разумеет здесь автор, не сообщается. Тут стоило бы напомнить автору, что по мнению создателей термина «дифференциальный признак» Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого, в русском языке этот признак будет мягкостью, тогда как твердость — это отсутствие признака мягкости. Здесь оппозиция привативна, а мягкость ее маркированный член. Впрочем, по сравнению с другими неточностями это просто мелкая придирка.

С. 109. «По интонации» предложения делятся на восклицательные и невосклицательные. Мне казалось, что *интонация* в теории языка понимается по-другому.

Если бы подобных утверждений было одно-два на всю книгу, можно было бы, посмеявшись, списать эти небрежности на плохое редактирование текста в конкретном месте. Увы, нет. Через подобные суждения читатель должен продирается чуть ли не в любой главе книги, постоянно ловя себя на той мысли, что автор играет с ним в какую-то игру типа «какое утверждение неверно?».

С. 31. «Противопоставление согласных по твердости-мягкости — это явная особенность фонетической системы русского языка. В европейских языках такого противопоставления нет, т.к. отсутствуют мягкие согласные» (выделено мной. — А. Б.). Т.е. другие славянские, в которых-таки бывает мягкость, не европейские языки? Но автор не успокаивается и идет далее. С. 48: «Дифференциальный признак твердости-мягкости в русском языке имеется, а в других индоевропейских языках отсутствует» (выделено мной. — А. Б.). Следовательно, славянские языки даже и не индоевропейские, а отсюда, по правилам логики, должно получаться утверждение: нет других индоевропейских языков, кроме русского, имеющих мягкие согласные. Но автор его не делает, видимо, поскромничав.

Вообще, о звуках и фонемах в учебнике множество странных суждений. На С. 22 сказано, что звук — это «явление материального характера». При этом у звука речи (!) есть три аспекта: 1) биологический, 2) физический и 3) социальный. Недоумевающему относительно п. 3 читателю тут же поясняется: последний аспект «связан с изучением звуков речи с точки зрения их функционирования в языке». То, что фонология оказывается, по Н.Н. Низаметдиновой, социальной наукой, не так страшно. Хуже то, что здесь обнаруживается противоречие автора самой себе. Ибо явления, присущие общественному сознанию, суть явления *идеального* (по Ильенкову [1. С. 219–227], например) порядка, и они, следовательно, не могут быть того же самого «материального характера», как звуки конкретного индивидуума.

И действительно, на С. 46 автор не может не признать, что фонема абстрактна, а звук конкретен. Но тогда это должно, во-первых, отменять высказанную выше мысль о социальной роли материального звука, а во-вторых, противоречит идущим тут же утверждениям, что например, в слове *шить* «две фонемы могут звучать как один звук». Так они абстрактны или они звучат? А из схемы на С. 50, где открытым текстом написано, что в речи «аллофон (=звук)» следует теперь, что уже аллофон — это явление материального характера (см. выше). Но это невозможно, т.к. аллофоны существуют не в индивидуальной речи, а в языковой норме и следовательно на конце слова «сад» все носители литературного языка будут одинаково использовать аллофон [т], который при этом будет соответствовать бесконечному множеству похожих материальных звуков (т.е. фонем). Боюсь, такая катастрофическая запутанность категорий, в которых рассуждает автор, не позволит его читателям понять даже самые основы фонологии. Книга, на мой взгляд, гораздо более выиграла бы, если бы автор отказался от старых идеологических категорий вроде *материального* или *социального* (в этом

смысле), а вместо этого внятно и логически последовательно изложил бы идеи варианта и инварианта.

Но в книге Н.Н. Низаметдиновой не повезло не только звукам и фонемам. Вот, например, про артикли (С. 97): «Артикли используются в арабском, романских и германских языках». Фраза, сформулированная примерно так «Полосатые кошки обитают в г. Казань», не позволяет понять, действительно ли автор думает, что артикли бывают только в этих языках, или это просто некоторые примеры таковых, все ли, скажем, германские языки используют артикли или только некоторые. «Артикли многозначны». Недоуменному читателю тут же поясняется, что, помимо «признака» существительного⁷, артикли имеют значения 1) определенности-неопределенности, 2) рода, 3) падежа и 4) числа. На п. 1 приводятся примеры из английского и немецкого языка, на пп. 2–4 — только немецкие и не всегда грамотно. Нигде не указано, что грамматические категории артиклей во всех перечисленных языковых группах существенно различны. При этом одновременное наличие у слова нескольких грамматических значений трактуется как многозначность. Из этого, например, получается, что любая склоняемая или спрягаемая форма будет многозначной. Зачем так путать читателя?

На той же странице ниже: «Порядок слов как грамматическое средство чаще используется в языках со слабо развитой аффиксацией (англ., франц., тюркские языки)». Из этого следует, что агглютинативные тюркские языки оказываются со слабо развитой аффиксацией. Напрашивается очевидный вывод о том, что автор учебника по «Введению в языкознание» не имеет понятия о тюркских языках. Так ли это?

Как видим, все эти (на самом деле и многие другие) случаи заставляют думать не столько о том, что автор там-то или там-то неудачно выразился, сколько о том, что сами категории, в которых он рассуждает о языковых явлениях, в высшей степени нестроги и необязательны. Если же мы обратимся к конкретным разделам книги, увидим, что ситуация еще тяжелее.

Одним из ключевых разделов всякого курса «Введения» является раздел «Грамматика». Увы, и здесь текст Н.Н. Низаметдиновой не просто небрежно и поверхностно излагает эту ключевую тему, но и пестрит ошибками, которые подчас непростительны уже первокурснику.

Грамматике в книге Низаметдиновой посвящены страницы с 85 по 109 (23,5 страницы). При этом грамматика⁸, также как в учебнике Реформатского, мыслится как соединение морфологии и синтаксиса. Далее автор говорит о грамматическом значении. «Полнозначное слово представляет собой единство лексического и грамматического значений» (С. 86). Это суждение в целом корректно, если заменить нестрогий термин *слово* на *словоформа* и внятно указать, чем по сути является грамматическое значение. Когда почти 150 лет назад основатель Московской лингвистической школы акад. Ф.Ф. Фортунатов говорил об этом, он подчеркивал, что речь идет не о слове вообще, а о «грамматической форме», а

⁷ Автор действительно полагает, что «предметность» является грамматическим значением существительного. К этому мы еще вернемся.

⁸ В книге в этом смысле говорится не о *грамматике*, а о *грамматическом строе*» (С. 85): очевидно, некорректное употребление термина.

грамматическое значение он понимал как значение «классовой принадлежности», т.е. фактически каждая словоформа, помимо лексического значения, имеет и такое, которое указывает на ее принадлежность некоторым обязательным и объективно существующим внутриязыковым классам, именуемым грамматическими категориями. Не страшно то, что автор, рассуждая об этом, не вспомнил об акад. Фортунатове. Но очень странна попытка автора рассуждать о грамматическом значении вообще, не прибегая к понятию грамматической категории.

Здесь Н.Н. Низаметдинова не дает никакого внятного определения грамматическому значению. Термин «граммема» также не вводится. Вместо этого высказываются следующие две мысли. 1. «Грамматическое значение относится не к одному, а к целому классу слов». Это в целом верно, но очень нестрого сформулировано. Речь должна идти не о словах, а о формах и не о классах вообще, а о грамматических категориях. 2. «Грамматическое значение обладает большей степенью обобщенности, чем лексическое значение». Это тоже небезукоризненно: что обобщеннее — слова типа *сущность* или *фигня* или грамматическое значение муж. рода? (Впрочем, и сама проблема эта здесь явно второстепенна).

Эта неясность со стороны автора приводит к следующим сложностям. Тут же выясняется, что Н. Н. имеет крайне смутные представления о том, какие в русском и других языках имеются грамматические категории и как они выражаются.

Так, на С. 86 говорится о «грамматическом значении предметности», которое якобы бывает у любого существительного. На С. 88 открытым текстом говорится о том, что это уже не значение «предметности», а просто «часть речи» (!). Но при этом на С. 101 части речи правильно называются «лексикограмматическими классами слов» и строчкой ниже «наиболее общими грамматическими категориями языка являются части речи». Путаница подобного рода явно недостойна учебника для вузов.

Далее на С. 86 перечисляются грамматические значения слова *жена*. Ими оказываются: «1) *сущ.*, 2) *жен. р.*, 3) *им. п.*, 4) *ед. ч.*». Число граммем указано правильно, но одна лишняя (нет такой граммемы — *сущ.*!), а одной не хватает (одушевленности). При этом в следующем тут же и на следующей странице разборе шербианской *глокой куздры*, последней приписывается свойство обозначать «одушевленный предмет» (С. 87). Одушевленный предмет — это как? И при чем тут предмет⁹?

Как видно, неверный подход привел автора к целому ряду глубоко неверных суждений. Справедливости ради скажем о том, что понятие грамматической категории все-таки возникает в книге Низаметдиновой, но происходит это только на С. 99, когда оказывается уже слишком поздно, а отводится этому важнейшему понятию фактически только одна страница. К слову сказать, основной предмет морфологии — это как раз грамматические категории словоформ,

соответственно нетрудно представить себе качество изложения морфологической части книги.

В ней, помимо уже описанных сложностей, бросается в глаза удивительно большое число весьма грубых ошибок, связанных с выражением грамматических значений и их способами. Казалось бы, тема эта вполне приемлемо (для первокурсников) изложена уже у Реформатского. Но нет, даже здесь автор книги находит огромное окно возможностей, чтобы оригинально ошибиться.

Например, на С. 95 автор полагает, что «окончание *-я*» (sic!) в форме *копя* выражает, помимо прочих, еще и значение мужского рода. Следовательно, слово *папа* того же женского рода, что и *мама*, ибо все их окончания одинаковы?

На С. 96 утверждается, что «внутренняя флексия в чистом виде особенно характерна для семитских языков», т.е. внутренняя флексия перепутана с трансфиксацией. Надо сказать, что в свое время эту ошибку сделал и сам А.А. Реформатский, который впоследствии — не без влияния своего ученика И. А. Мельчука — отказался от этого мнения, о чем сообщил в сноске одного из последующих изданий [3. С. 269, прим. 2]¹⁰ своей книги. Очень жаль, что автор XXI в., рекомендуя читателю книгу Реформатского, не владеет этим вопросом.

На той же странице постфиксы названы «служебными словами».

На С. 98 редупликация понимается как «повторение слов». Помимо грамотных примеров типа малай. *orang-orang* — 'люди' и непонятно почему написанного кириллицей шумер. *кур-кур* — 'страны', обсуждаются русские *ни-ни*, *красивый-красивый* и др., которые не являются случаями выражения грамматического значения. При этом ни слова не сказано о частичной редупликации, значении вежливости в языках с полной редупликацией и многих других интересных сюжетах.

На той же странице лат. *dedi* «прош. время» «давал» трактуется как сложение основ. Кажется, тут три ошибки в одном коротком утверждении, ибо это 1) не сложение основ, а частичная редупликация (см. выше), о которой автор, видимо, не знает, это 2) не «давал», а «я дал», это 3) не просто «прошедшее время», а перфект (оттого и редупликация).

Множество ошибок и далее. Вот только некоторые.

На С. 101 автор забывает о том, что у глагола есть грамматическая категория залога. На С. 102 александрийским грамматиком ошибочно приписывается выделение прилагательных. На С. 105 утверждается, что предикативность — это «отнесенность содержания предложения к действительности». Автор явно путает предикацию и референцию. Если бы это было не так, то всем было бы понятно, что в действительности случилось в предложении «Она сделала это!», т.к. в нем имеется предикация.

На С. 109 предложение «*Еду, еду в чистом поле*» (Пушкин) трактуется как односоставное. На С. 111–112 неточно излагается теория М. Гимбутас о прародине индоевропейцев. Теория дунайского происхождения индоевропейцев, действительно весьма разумная, ошибочно названа «основной»

⁹ К слову сказать, отнесение *глокой куздры* к одушевленным существительным никаким образом не следует из этого знаменитого текста, и ошибка эта была запущена, как кажется, уже самим акад. Шербой (или его ближайшими последователями), поскольку в некоторых известных мне вариантах рассказа об этом примере *куздра* определяется как «некая особа». Хотя *куздра* могла бы быть и неодушевленным существительным типа *дубина*. Однако в самом известном источнике — «Слове о словах» Л.В. Успенского — стоит корректная формулировка «нечто женского рода» [3. С. 203].

¹⁰ Вопрос о «внутренней флексии» в семитских языках был решен в пользу трансфиксации в 1963 г.

в современной науке. При этом не названо по имени ни одного ученого, кто бы ее разделял.

На С. 114 высказывается гипотеза, что этрусский язык «возможно» относится к анатолийским. На С. 115 говорится, что ученые полагают пеласгский язык «языком коренного населения Греции» (!). Это примерно так же, как если бы древне-верхненемецкий язык был назван языком коренного населения Евросоюза. На С. 115 универсалии трактуются как «черты, присущие всем языкам мира», тогда как корректнее полагать универсалии суждениями. На С. 116 фузией называется «тесная спайка морфем в слове».

Книга заканчивается замечательной по наивности фразой (об инкорпорируемых языках): «например, в индейском языке НИ-НАКА-КВА¹¹ – ‘я мясо ем’». Вот так запросто: есть такой индейский язык и в нем вот такое НИ-НАКА-КВА.

Заключение

Стремясь, наконец, закончить свой отзыв, приведу две параллели. Если бы мы захотели сравнить книгу Н.Н. Низаметдиновой с учебником математики, то это должен был бы быть такой учебник, в котором неточные определения перемежались бы с многочисленными ошибками в вычислениях. Не уверен, что подобные книги есть и что научное сообщество математиков великодушно простило бы одну такую, если бы она появилась.

Если же сравнить эту книгу с естественнонаучными сочинениями, то один подобный пример мне известен. Около десяти лет назад в академическом сборнике «В защиту нау-

ки» [4. С. 56] обсуждалась некая «Большая астрономическая энциклопедия», пестревшая утверждениями вроде того, что у созвездия есть масса. Насколько я слышал, после публикации критической рецензии и последовавшего большого скандала издательство обещало изъять все экземпляры из продажи и уничтожить. Не знаю, чем все закончилось, но укажу на одно обстоятельство, отличающее эту книгу от нашей. Та энциклопедия писалась авторами-компиляторами вообще без астрономического образования. Этот же учебник, согласно информации на обложке, написан доктором филологических наук, профессором, автором более 90 научных и учебно-методических работ. Вот уж, право, не знаю, на пользу ли будет index honorum ее автора.

Чтобы не заканчивать текст на печальной ноте, напишу о том, что меня искренне «улыбнуло» в книге. Это рисунок на 1-й стр. обложки, где изображен земной шар, на котором, держась за руки, стоят фигурки людей, раскрашенных под различные национальные флаги. Вначале я подумал, что это символизирует братство языков и народов, но, приглядевшись, понял, что все гораздо сложнее. Дело в том, что флаги, по большей части, плохо соответствуют языкам. Есть флаг Ирака, есть Бельгии, есть Швейцарии, есть США, есть Бразилии, есть Индии, есть ЮАР, есть ЕС. Примечательно, что российского флага нет, но зато внизу рисунка явно различим флаг Антарктиды¹² (!). Трудно придумать более оригинальное решение для учебника по языкознанию. Есть ли в этом какой-либо особый экзистенциальный смысл, который еще предстоит разгадать, или это очередной недосмотр создателей, я не знаю. Но хочется верить в лучшее.

¹¹ Sic! Большими буквами!

¹² Точнее, Организации Антарктического договора 2002 г. (в одном из вариантов).

Литература

1. Ильенков Э.В. Идеальное / Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 219–227.
2. Успенский Л.В. Слово о словах. Почему не иначе. Л., 1971.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996.
4. Ефремов Ю.Н. Паразитирующие на астрономии // В защиту науки. 2008. № 4. С. 83–96.

References

1. Ilyenkov, E.V. Ideality. In: *Philosophy encyclopedia*. Moscow, 1962. Vol. 2. P. 219–227.
2. Uspensky, L.V. Words about words. Why not otherwise. Leningrad, 1971.
3. Reformatsky, A.A. Introduction into linguistics. Moscow, 1996.
4. Efremov, Yu.N. Parasites on astronomy. *In defiance of science*. 2008. No. 4. P. 83–96.